

Уильям Теккерей

История очередной французской революции

Перевод с английского
Виктора Хинкиса

ФТМ

Уильям Мейкпис Теккерей История очередной французской революции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993061

Москва;

ISBN 978-5-4467-2827-5

Аннотация

Теккерей Уильям Мейкпис (1811-1863) давно занял свое заслуженное место среди классиков мировой литературы, и сегодня уже никто не сомневается в силе его дарования и значении его наследия. В сатирическом романе в переводе Раисы Ефимовны Облонской "История очередной французской революции" Теккерей провел хронологию "еще одной" Великой французской революции, перенеся место действия в 1884 год и "Счастлив тот, кому в наши мрачные времена дано вызвать у людей улыбку!".

Содержание

ГЛАВА I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Уильям Мейкпис Теккерей
ИСТОРИЯ ОЧЕРЕДНОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

**Из подготовленной к
изданию «Истории Европы»**

ГЛАВА I

Историку не часто выпадает на долю увековечить события более необычные, нежели те, которые имели место в нынешнем году, когда из-за французской короны соперничали ни много ни мало четверо претендентов, обладавших равными правами, достоинствами, отвагой и популярностью. Первым мы назовем его королевское высочество Людовика-Антуана-Фредерика-Сэмюэла-Анну-Марию, герцога Бретонского и сына Людовика XVI. Бедному принцу, который вместе со своими несчастными родителями страдал в заточении в Темпле, удалось бежать из темницы, спрятавшись (негодяи тюремщики так бесчеловечно с ним обращались, что юный принц невообразимо исхудал и стал совсем крошечным) в треуголке члена Конвента Редерера. Ведь широко известно, что в бурные революционные времена носили треуголки немалой величины.

Значительную часть своей жизни он прожил в Германии; тридцать лет томился в казематах Шпильберга; а когда ему удалось бежать оттуда в Англию, то и там его заточили в лондонский Тауэр, якобы за долги, но в действительности это было делом рук его политических противников. Не следует путать его с теми самозванцами, что выдают себя за потомков несчастной жертвы первой революции.

О втором претенденте, Генрихе Бордосском, мы распола-

гаем несколько более обширными сведениями. В 1843 году он, бежав за границу со своим небольшим двором, снял меблированные комнаты в заброшенном лондонском квартале, именуемом Белгрейв-сквер. Множество французских дворян съехалось туда к нему, невзирая на преследования узурпатора, восседавшего на троне; некоторые из виднейших представителей английского дворянства – в числе которых можно назвать и прославленного рыцаря без страха и упрека герцога Дженкинса, – также помогали безрассудно храброму молодому принцу советом, деньгами и своей доблестной шпагой.

Третьим претендентом был его императорское высочество принц Джон Томас Наполеон – пятнадцатииюродный брат усопшего императора и, как утверждают некоторые, принц Гомерсальекого дома. Он справедливо доказывал, что, поскольку прямые наследники прославленного корсиканца отказались от своего права на престол, он, принц Джон Томас, ближайший после них родственник, несомненно, должен унаследовать освободившийся трон Империи. Добиваясь короны, он возлагал надежды на верность французов и на свою верную шпагу.

Незачем и говорить, что скипетр, которым три вышеупомянутых принца так жаждали завладеть, держал в своих руках прославленный монарх, его величество король французов Луи-Филипп. Есть основания полагать, что этот мудрый монарх не пользовался у своих подданных почтением, до-

стойным такого государя. Напротив того, легкомысленному народу, пожалуй, стало в тягость его правление. Этот народ невзлюбил премилое королевское семейство, для которого его величество, с присущим ему скопидомством, старался обеспечить пристойное содержание. И были все основания подозревать, что высшие государственные мужи в стране, которым его величество сильно досадил, испытывают отнюдь не верноподданнические чувства к королевскому двору и к его священной особе.

От вышеупомянутых претендентов Луи-Филиппу, этому величайшему из государей (тогда ему было без малого сто лет), и пришлось защищать свою корону.

Город Париж, как известно, укреплен ста двадцатью четырьмя фортами, каждый из которых имеет тысячу орудий, на длительное время обеспечен боеприпасами и провиантом, и все устроено таким образом, чтобы в случае необходимости подвергнуть обстрелу дворец Тюильри.

Так что если бы чернь напала на дворец, как в августе 1792 и в июле 1830 года, его можно было за какой-нибудь час сровнять с землей; и в то же время столица была надежно защищена от чужеземного вторжения. Не менее надежной защитой от чужеземцев было состояние дорог. С тех пор как английские компании отказались от участия в деле, во Франции было построено всего полмили железнодорожного пути, и всякая армия, привыкшая, как все современные армии Европы, продвигаться со скоростью шестьдесят миль в

час, была бы до смерти раздражена, прежде чем добралась бы от любой из границ – с побережья, от Рейна, с Альп или с Пиренеев – до столицы Франции. Французский народ, однако же, был возмущен этими недостатками путей сообщения в своей стране и явно вопреки здравому смыслу утверждал, что пятьсот семьдесят пять триллионов франков, затраченных на укрепления, следовало бы вложить в какое-нибудь более мирное предприятие. Однако король жил спокойно под защитой своих фортов.

Поскольку мы поставили перед собой цель как можно живее обрисовать тогдашние необычайные события, а равно действия и чувства участвовавших в них людей и сторон, самое лучшее, что мы можем сделать, это обратиться к документам того времени, которыми мы располагаем в изобилии. Забавно в наше время читать на страницах «Монитора» и «Журналь де Деба» сообщения об удивительных событиях тех дней.

1884 год начался на редкость спокойно. При королевском дворе в Тюильри царило необычайное веселье. Двадцать три младших английских принца, сыновья ее величества королевы Виктории, украшали балы своим присутствием; русский император со всем семейством нанес королю Франции традиционный визит; король бельгийский, как всегда, посетил своего августейшего тестя якобы ради исполнения родственного долга и удовольствия повидать родича, но в действительности чтобы вытребовать приданое королевы Бельгии,

которое Луи-Филипп Орлеанский упорно отказывался выплатить. Кто подумал бы, что среди столь праздничной обстановки таилась опасность, среди такой тишины зрел мятеж?

Самым большим из парижских сумасшедших домов был Шарантон, и именно эту резиденцию ехидные журналисты из «Журналь де Деба» прочили претенденту на престол Людовика XVI.

Но на следующий же день, а именно в субботу 29 февраля, в той же самой газете появилась статья гораздо более серьезного и даже потрясающего содержания; в ней сквозь маску беззаботности явно проглядывала тревога правительства.

В пятницу 28 февраля «Журналь де Деба» напечатал статью, которая не вызвала особого волнения на бирже, настолько она казалась нелепой. В ней говорилось:

«Новый Людовик XVII! Из Кале сообщают, что некая темная личность, недавно прибывшая из Англии (как нам кажется, из Бедлама), выдает себя за сына несчастного Людовика XVI. Это двадцать четвертый по счету претендент, который утверждает, что его отцом был августейший узник Темпля. Однако, если оставить в стороне эти притязания, в остальном бедняга, как сообщается, совершенно безобиден; его сопровождают несколько старух, которые клянутся, что узнали в нем дофина; он не делает никаких попыток захватить корону силой оружия, а ждет, пока само небо возведет его на престол.

Если его величество пожелует в Париж, мы полагаем, он не замедлит занять свою резиденцию в Шарантонском дворце.

До сих пор мы игнорировали слухи (ходившие среди отъявленной шантрапы и в самых грязных кабаках столицы), что некая знаменитость – впрочем, отчего бы нам прямо не назвать принца Джона Томаса Наполеона? – прибыла во Францию с преступными намерениями и революционными замыслами. Однако утренний выпуск «Монитера» подтверждает этот позорный факт. Претендент уже в пределах нашего отечества; вооруженный бандит угрожает нашим мирным свободам; бездомный бродяга, убийца, занимается грабежом на наших дорогах; и ему не уйти от возмездия за свои преступления. Пусть же никакая память прошлого не отсрочит этой справедливой кары; долг законодателя заботиться о будущем. Пусть на преступника обрушится вся строгость закона вкупе с суровой справедливостью гражданской власти. Пусть выследят его, как дикого зверя, до самого логова, и да постигнет его судьба зверя. Но приговор, можно считать, будет скоро приведен в исполнение. Сообщается, что этот бандит распространял (причем без всякого успеха) листовки в грязных трактирах среди крестьян департамента Верхний Рейн (где он скрывается); так что полиции нетрудно напасть на его след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.